

РОССИЙСКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

Ю. А. НИСНЕВИЧ,
А. В. РЯБОВ

Постсоветский авторитаризм

В статье рассматриваются вопросы возникновения и утверждения авторитарных режимов в постсоветских странах. Авторы анализируют причины неудачи демократического транзита в новых независимых государствах. Среди этих причин они называют отсутствие сильных традиций гражданского общества и то, что антикоммунистической революции 1991 г. в Советском Союзе не предшествовала “революция ценностей”. Важная причина приостановки демократических преобразований заключалась в том, что новые правящие слои, монополизировавшие власть и собственность в постсоветских государствах, не заинтересованы в дальнейших рыночных и демократических реформах. В анализе причин устойчивости авторитарных режимов авторы уделяют главное внимание роли таких факторов, как институт власти-собственности, номенклатуры как правящего слоя и патронажного государства. В то же время в статье рассматриваются факторы, ограничивающие возможности развития авторитаризмов на постсоветском пространстве: конкурирующие политические идентичности в обществе; равновесие сил между региональными элитами; деноменклатуризация политической элиты. Отмечается, что главная проблема на пути демократической трансформации – отсутствие в постсоветских государствах политических и социальных акторов, заинтересованных в таких изменениях.

Ключевые слова: постсоветское пространство, авторитаризм, неоавторитаризм, номенклатура, институт (власти-собственности), “неопатримониальное государство”.

Разнообразие политических форм на постсоветском пространстве

Тема авторитаризма в странах постсоветского пространства¹ обрела популярность в научной литературе начиная с 2000-х гг. Именно тогда, вопреки ожиданиям ранних 1990-х гг. о грядущем торжестве демократии в бывших республиках Советского Союза,

¹В данной статье не рассматриваются страны Балтии – Латвия, Литва и Эстония. Будучи по своему происхождению постсоветскими, они, в отличие от других новых независимых государств, образовавшихся на территории бывшего Советского Союза, с момента получения независимости взяли курс на интеграцию с евроатлантическими институтами, что потребовало от них проведения глубоких демократических и рыночных реформ. Ныне функционирование политических институтов государств Балтии, ставших в 2005 г. членами Европейского союза, в значительной мере регулируется демократическими нормами и правилами, принятыми в этой организации, что отличает их от других постсоветских стран.

Нисневич Юлий Анатольевич – доктор политических наук, профессор департамента политической науки Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (НИУ-ВШЭ). Адрес: 101000, Москва, ул. Мясницкая, д.20. E-mail: jnisnevich@hse.ru.

Рябов Андрей Виленович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН). Адрес: 117997, Москва, Профсоюзная ул. д.23. E-mail: andreyr@imemo.ru

этот тип политических режимов становится преобладающим в данном регионе мира. Некоторые из республик, став независимыми, даже и не пытались отказаться от авторитарных форм правления (Казахстан, Туркменистан, Узбекистан). Другие, инициировав процессы демократизации, но не справившись с серьезными трудностями на пути рыночных реформ и строительства демократических национальных государств, начали возвращаться к авторитаризму. Для одних этот переход оказался стремительным (Азербайджан, Белоруссия, Таджикистан), для других растянулся на длительный период (Армения, Россия). Третьи какое-то время балансировали между авторитаризмом и демократией (Грузия, Киргизия, Украина). Последовавшие затем попытки восстановления в них авторитарных режимов успехом не увенчались и привели к так называемым “цветным революциям” 2003–2005 гг. Затем во всех этих странах вновь были предприняты попытки восстановить авторитарное правление: в Грузии президентом М. Саакашвили на втором сроке его правления; в Киргизии президентом К. Бакиевым в 2005–2010 гг.; на Украине президентом В. Януковичем в 2010–2014 гг. Лишь Республика Молдова еще в 1990-е гг. в силу целого ряда факторов сумела создать устойчивую электоральную демократию.

Существование довольно значительной группы постсоветских стран, либо совершавших “реверсивный” плавный дрейф к авторитаризму, либо долгое время колебавшихся между авторитарным правлением и демократией, дало основание исследователям отнести их к переходной “серой” зоне [Карозерс 2003]. Практически одновременно в литературе для обозначения таких переходных форм стало широко использоваться понятие “гибридных” режимов, которые сочетали в себе элементы демократии и авторитаризма [Shevtsova 2001]. Как показало дальнейшее развитие событий, эта переходная группа на постсоветском пространстве оказалась неустойчивой. Некоторые страны через такую форму, как “режим доминирующей власти” [Карозерс 2003, с. 54], продолжили движение в сторону авторитаризма, другие же с огромными трудностями старались перейти к демократическому правлению. Но общим результатом стало доминирование авторитарных режимов на территории бывшего СССР.

По оценке международной организации *Freedom House* (FH, “Дом свободы”), в 2016 г. “консолидированные авторитарные режимы” существовали в семи странах — Туркменистане, Узбекистане, Азербайджане, Белоруссии, Казахстане, Таджикистане и России (страны расположены по степени убывания “индекса авторитаризма”). Две страны (Киргизстан и Армения) были отнесены аналитиками FH к “полу-консолидированным авторитарным режимам”. А три государства (Молдова, Украина и Грузия) оказались в группе стран с “переходными правительствами или гибридными режимами” [Nations in transit... 2016]. Эта классификация представляется, как минимум, небесспорной. Так, вызывает сомнение отнесение Молдовы к числу государств с “переходными правительствами или гибридными режимами”. Киргизстан же, после перехода к парламентской республике, скорее, находится на пути к электоральной демократии, чем по-прежнему пребывает в состоянии “полуконсолидированного авторитаризма”. Могут быть оспорены и иные оценки аналитиков FH. Вместе с тем нельзя не согласиться с общим выводом об устойчивости авторитаризма на постсоветском пространстве. Анализ причин этого явления и, соответственно, вариантов дальнейшей политической эволюции постсоветских государств — главная задача данной статьи.

При этом хотелось бы отметить, что разноречивые определения политических режимов на пространстве бывшего СССР, часто встречающиеся в научной литературе, отражают особенности исследований авторитаризма на современном этапе, для которых характерен методологический плюрализм (подробнее см. [Шкель 2013]). Многообразие подходов в изучении этого явления, типологий и определений авторитарных режимов в значительной степени определяется тем, что современные авторитаризмы не только различны по формам, но и значительно отличаются от традиционных моделей XX столетия. Мы же придерживаемся акторного подхода к изучению авторитарных режимов, согласно которому главный критерий авторитаризма — моносубъектность власти и процесса принятия решений. Хотя, как показывает практика, по

своей структуре правящий “моносубъект” не обязательно персоналистский, но может выступать и в качестве более сложного образования.

Национальные особенности трансформационного перехода в постсоветских государствах

Исходные позиции национально-государственного строительства в республиках бывшего СССР, объявивших себя независимыми, были различными. Это в конечном итоге и породило многообразие социально-экономических систем и форм политических режимов в постсоветских странах. Одни пытались апеллировать к восстановлению кратких традиций национальной государственности семидесятилетней давности, возникшей после распада Российской империи. Другим предстояло создавать новые независимые государства фактически на пустом месте. Одни стремились выйти из состава Советского Союза и готовились к этому, другие (государства Средней Азии, Белоруссия), напротив, не были готовы к самостоятельности и потому поначалу опасались перспективы покинуть СССР.

В одних странах сформировались довольно влиятельные в то время национально-демократические движения, в которых ведущую роль играло политически активное меньшинство, сформировавшееся из представителей национальной интеллигенции и, в меньшей степени, нарождавшегося частного бизнеса (Азербайджан, Армения, Грузия, Киргизстан, Молдова, Россия, Таджикистан, Украина). Они выступали за решительное отстранение от власти прежнего правящего класса — советской партийно-хозяйственной номенклатуры и проведение в этих странах рыночных и демократических реформ, ориентируясь на экономические и политические системы развитых стран Запада. Именно это и обусловило как изменения в составе власти, так и определенное продвижение новых независимых государств по пути рыночных и демократических преобразований в первые годы независимости. Правда, в Азербайджане (из-за войны с Арменией и двух государственных переворотов) и в Таджикистане (по причине кровопролитной гражданской войны) демократические реформы были свернуты, и к власти вернулась прежняя номенклатура, взявшая на себя роль “партии порядка”.

В других странах, где национально-демократические движения были слабы (Белоруссия, Казахстан) или практически отсутствовали (Туркменистан, Узбекистан), власть при смене общественного строя осталась в руках номенклатуры. При этом в Белоруссии избрание первого и на сегодняшний день бессменного президента страны А. Лукашенко в июле 1994 г. состоялось на волне протестных антиноменклатурных и антикоррупционных настроений, широко распространенных тогда в белорусском обществе. Поначалу Лукашенко позиционировал себя как выразитель интересов широких общественных слоев, противостоявший интересам номенклатуры. Но в дальнейшем он сделал номенклатуру главной опорой своего авторитарного режима.

В трех странах из группы государств, где национально-демократические движения были политически слабы или вовсе отсутствовали (Казахстан, Туркменистан, Узбекистан), номенклатура быстро меняла идеологию коммунизма на национализм, провозгласив целью своей деятельности строительство национальной государственности. В Казахстане ввиду специфики его геополитического положения, полиэтничности национального состава, где титульная нация на начало преобразований составляла незначительное большинство, получила развитие и идеология евразийства. Лишь Белоруссия в 1990-е гг., взявшая курс на интеграцию с Россией, периодически опробовала иные идеологии — неосоветскую (союзную) и неосоциалистическую. В трех странах этой группы (Белоруссии, Туркменистане, Узбекистане) приватизация основных активов национальных экономик не осуществлялась, и потому рыночные реформы там практически не проводились. В отличие от этих стран, в Казахстане состоялась масштабная приватизация национальной экономики и заработали рыночные механизмы.

Причины неудачи демократического транзита

Однако к концу 1990-х гг. везде, даже в тех странах, где рыночные и демократические реформы проводились, они были свернуты. Укажем на две тесно связанные друг с другом причины этого процесса. Одна из них обусловлена глубоким кризисом общества, охватившим все постсоветские государства. В отличие от ведущих стран Центральной и Восточной Европы, в которых свержению коммунистического строя в 1989 г. предшествовала “революция ценностей” в массовом сознании, предопределившая их движение по пути строительства демократии, в бывшем Советском Союзе, за исключением республик Прибалтики, ничего подобного не произошло. Отторжение на ценностном уровне социалистической системы, осознание ее исторической бесперспективности были характерны лишь для узкого слоя элиты интеллигенции. Массовые же слои населения имели иные причины для недовольства существовавшим тогда общественным строем, который в возрастающей степени демонстрировал неспособность к удовлетворению их потребительских запросов.

К моменту начала кризиса советской системы в конце 1980-х гг. в СССР уже сложилось потребительское общество (процесс его формирования начался еще в годы хрущевских реформ). Горбачевская перестройка, политика гласности расширили представления людей об окружающем мире и отчетливо показали, что советский социализм (“реальный социализм”, как тогда его называли) проигрывает социально-экономическое соревнование современному капитализму. Отсюда и возникло массовое недовольство советским государством за то, что оно оказалось неспособным выполнить собственные же обещания и резко повысить благосостояние народа. Поэтому антикоммунистическая революция 1991 г. в широком смысле по сути была “революцией потребителей”, желавших пользоваться тем же объемом благ, что и граждане развитых стран Запада. Демократию же они рассматривали прежде всего как инструмент достижения этой цели [Рябов 2010, с. 186]. При этом в ходе революционных событий большинство населения занимало пассивную выжидательную позицию, но, когда революция победила, оно выразило поддержку новой “демократической” власти в надежде на реализацию своих потребительских ожиданий.

Однако в Советском Союзе не сложилось гражданское общество. В условиях тоталитарной системы с ее всеохватывающим огосударствлением общественной жизни оно и не могло сформироваться и выжить. Практика солидарных гражданских действий в такой обстановке отсутствовала. Массовые слои населения были настроены патерналистски, рассматривая государство в качестве источника и “распределителя” материальных благ. Их социальное и политическое поведение отличалось пассивностью и готовностью адаптироваться к любым действиям власти. Поэтому, когда высокие потребительские ожидания конца 1980-х — начала 1990-х гг. разбились о трудности неизбежного трансформационного спада в экономике, общество во всех странах постсоветского пространства быстро утратило интерес к самой идее демократических преобразований. Одновременно на волне растущего недовольства результатами деятельности правительств новых независимых государств возникало безразличие к вопросам устройства и функционирования государственной власти в целом. Люди предпочли восходящие к советскому периоду модели поведения, сосредоточившись не на коллективной борьбе за свои права, а на индивидуальных стратегиях выживания и адаптации к резко изменившимся условиям жизни.

После того, как активное демократическое меньшинство в постсоветских странах было повсеместно вытеснено из власти и даже из большой политики, национально-демократические движения пришли в упадок, а некоторые и вовсе сошли с исторической сцены. Это обеспечило новым правящим слоям значительную степень автономии от общества, сделав их фактически бесконтрольными. Когда в результате проведенной приватизации власть получила в свое монопольное распоряжение основные активы национальных экономик, отпали и мотивы для дальнейшего продолжения реформ [Hellman 1998, p. 204–205]. На правах победителей новые правящие слои

получили все. Закономерный интерес в сохранении возникшего социального порядка, сочетавшего в себе демократические процедуры с фактической концентрацией власти и собственности в руках узких элитных групп при полном исключении массовых общественных слоев из процесса влияния на политические решения, приостановил прогрессистскую линейную траекторию развития. Охранительная суть нового социального порядка уже позволяла на иной основе восстановить авторитаризм в тех постсоветских государствах, которые поначалу встали на путь демократизации. Но выбор дальнейшего вектора их эволюции зависел от многих обстоятельств — консолидированности правящей элиты, региональных различий и уровня влияния регионов на национальное правительство, активности гражданского общества и его способности воздействовать на власти.

Осмысление в академических кругах новых реалий, возникших в постсоветских странах, привело к расставанию с представлениями, сформировавшимися в рамках транзитологических подходов. Оно и породило массу новых оценок и интерпретаций тех социальных порядков, что утвердились на постсоветском пространстве — от попыток описать их как некие временные “отклонения” от демократии, вызванные тяжелым наследием советского прошлого, до стремления трактовать их в качестве устойчивых “гибридных” общественно-политических моделей.

Итак, незаинтересованность победителей в дальнейших преобразованиях и изоляция новых элит от общества — вот два ключевых фактора, предопределивших возможность возрождения авторитаризма в новых независимых государствах. Однако такой анализ причин авторитарной реставрации будет неполным без рассмотрения роли номенклатуры в трансформационных процессах.

Номенклатура как главный фактор авторитарного “реверса”

В научной литературе давно утвердилось мнение, что советская партийно-хозяйственная номенклатура, включая ее фракции на уровне союзных республик, осознав выгоду, которую она может получить от перехода к рынку и от децентрализации управления страной, проводившихся в ходе горбачевской перестройки, стала одной из главных движущих сил антикоммунистической революции 1991 г. Не случайно первые секретари компартий Казахстана, Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана, Украины сразу после распада СССР стали первыми президентами новых независимых государств, образовавшихся на месте бывших союзных республик. Ключевая роль номенклатуры в ликвидации советского строя и утверждении нового социального и политического порядка и стала общей чертой посткоммунистической трансформации в новых независимых государствах, несмотря на существенные национальные различия стартовых условий. В целом же подтвердилось историческое предвидение Л. Троцкого, что именно коммунистическая номенклатура, пожелав передавать контролируемую ею собственность по наследству, может стать главной силой буржуазной контрреволюции [Троцкий 1991]. А его последователи из международного троцкистского движения (IV-го Интернационала) уже в начале перестройки однозначно утверждали, что именно номенклатура правящих коммунистических партий станет драйвером возвращения социалистических стран к капитализму.

При этом роль и место номенклатуры в процессах посткоммунистической трансформации в разных странах отличались как на ее этапах, так и в зависимости от политической специфики новых независимых государств. В России номенклатура стала активно возвращаться во власть вскоре после августовской революции 1991 г. и создания правительства молодых реформаторов-рыночников. Причем это было сделано по инициативе самой “демократической” российской власти: советские чиновники-де хорошо знают прежнюю хозяйственную систему, обладают управленческим опытом и смогут быстро реформировать эту систему в соответствии с новыми рыночными требованиями [Нисневич 2007, с. 226]. В массовом порядке номенклатура начала

возвращаться во властные структуры с конца 1992 г. после формирования кабинета министров под председательством В. Черномырдина.

На Украине номенклатура на протяжении всех 1990-х гг., несмотря на подъем национально-демократического движения в начале десятилетия, сумела сохранить ключевые позиции в политике и экономике. Как уже отмечалось, довольно быстро номенклатура вернула себе руководство в трансформационных процессах Азербайджана и Молдовы. Но если в Азербайджане после очевидных неудач первых избранных демократических лидеров во главе с А. Эльчибеем национал-демократические силы были полностью отстранены от какого-либо участия в управлении страной и полностью маргинализированы, то в Молдове они на протяжении длительного периода еще сохраняли позиции в парламенте страны и участвовали, хотя и “на вторых ролях”, в распределении власти. Именно поэтому демократические реформы в Азербайджане были свернуты, и в стране утвердился авторитарный режим, а в Молдове демократические институты и процедуры, прежде всего конкурентные выборы, сохранились.

В Армении “реноменклатуризация” властных структур произошла позднее, после поражения на выборах 1998 г. президента Л. Тер-Петросяна, в начале 1990-х гг. пришедшего к власти именно как демократический лидер. То же самое, только гораздо раньше, произошло и в Киргизии, где номенклатурные кланы, организованные по родовому и земляческому принципам, несмотря на начатые президентом А. Акаевым демократические реформы, быстро восстановили руководящие позиции во власти, а затем и сам Акаев был свергнут в 2005 г. и был вынужден бежать из страны. В Таджикистане после завершения гражданской войны власть перешла под контроль кулябского номенклатурного регионального клана.

В формировании новых элит в постсоветских государствах принимали участие не только “реформаторские” (то есть отказавшиеся от идеи сохранения советской системы) фракции коммунистической номенклатуры, но и выходцы из неноменклатурных слоев — национальной интеллигенции, низшего чиновничества, нарождавшегося предпринимательства. Причем уровень их представительства в составе новых элит напрямую зависел от влияния народно-демократических движений, других низовых массовых организаций гражданского общества. Но именно номенклатура оказала решающее воздействие на облик нового правящего класса, его политические взгляды, ценностные и поведенческие установки.

В борьбе за лидерство номенклатура переиграла своих соперников из среды лидеров национально-демократических движений по двум причинам. Во-первых, на момент провозглашения независимости бывшими союзными республиками она по-прежнему контролировала основные активы национальных экономик, держала в своих руках финансовые и административные ресурсы этих стран. Во-вторых, в отличие от выходцев из интеллигенции, оказавшихся во властных структурах, она обладала управленческими навыками и связями, столь необходимыми в условиях экономического кризиса и паралича государственных институтов. Национал-демократы, сталкиваясь с трудностями этого периода на разных уровнях власти, проявили неспособность к эффективному реагированию на возникающие вызовы. Поэтому возвращение во власть номенклатуры повсеместно воспринималось поначалу как признак восстановления стабильности и управляемости.

Разумеется, со временем состав правящих слоев в постсоветских странах изменялся. Они пополнялись представителями различных социальных групп. Там, где была проведена приватизация основных активов национальных экономик, во второй половине 1990-х гг. возникла влиятельная группа крупнейшего бизнеса (“олигархов”). Так произошло в России, на Украине, в Казахстане, Армении и Молдове. Формы их взаимоотношений с высшей государственной бюрократией были различными: от модели партнерства (Украина, Россия в период президентства Б. Ельцина) до полного подчинения верховной власти (Казахстан, Россия начиная со второй половины 2000-х гг.). При этом доля прежней советской партийно-хозяйственной номенклатуры, сыгравшей столь значительную роль в победе антикоммунистической революции 1991 г.,

по-прежнему оставалась стабильно высокой. Например, в России в 2001 г. она составляла 77% политической элиты и 41% бизнес-элиты [Крыштановская 2005].

На протяжении четверти века, минувшей с момента распада СССР, социальный состав правящих элит в постсоветских государствах претерпевал определенные изменения (в некоторых государствах они были значительными). Из этого, однако, вовсе не следовало, что влияние номенклатуры, ее политического наследия на политику новых независимых государств стало неуклонно снижаться. Номенклатура способствовала укоренению в новых правящих классах, во властных отношениях привычной для нее управленческой культуры, если угодно, определенной философии политики и практики политического господства. Это наследство, закрепившееся в новой политической среде, включало создание и распространение жестких властных вертикалей, стремление ослабить и маргинализировать любые независимые от государства политические и гражданские силы (а в идеале и вовсе от них избавиться), организацию властных отношений на принципах патронажа и клиентелизма. Однако главными элементами наследия прежней советской системы, которые номенклатура перенесла в новый социальный порядок, стали институт власти-собственности, воспроизведенный в условиях постсоветских реалий, и “патронажное” (патримониальное) государство.

Ключевая роль института власти-собственности

Несмотря на то, что институт власти-собственности имеет глубокие корни в истории России (см. подробнее [Нуреев, Латов 2016]), на социально-экономический и политический порядок новых независимых государств решающее влияние оказало наследие советской эпохи. Советский проект изначально исходил из идеи огосударствления собственности на средства производства как экономического фундамента этого порядка и передачи ее под полный контроль коммунистической партии, отождествившей себя с новым государством. Такие представления возникли под влиянием двух процессов, характерных для мирового капиталистического хозяйства в конце XIX — начале XX в.: его монополизации и складывания государственно-монополистического капитализма на основе сращивания силы государства и экономической мощи частно-капиталистических промышленно-финансовых монополий, что стало особенно заметно в годы Первой мировой войны. Создатель Советского государства В. Ленин считал это состояние современного ему капитализма непосредственной ступенью перехода к социализму. В 1917 г. он писал, что “социализм есть не что иное, как государственно-капиталистическая монополия, обращенная на пользу народа и постольку переставшая быть капиталистической монополией” [Ленин, т. 34, с. 192]. Большевистским лидерам импонировала перспектива концентрации власти и собственности в руках своего правительства, которое, согласно их представлениям, должно было справедливо распределять общественный продукт между всеми членами общества и осуществлять руководство развитием страны в интересах “трудящихся классов”. Эта система окончательно сложилась и приобрела всеохватывающий характер в 1930-е гг. Она была распространена по всей территории страны, включая бывшие колониальные владения Российской империи, получивших статус союзных республик в составе СССР.

Ее стержнем была неограниченная власть коммунистической партии, которая и создала новый правящий класс — номенклатуру, объединившую в своих рядах привилегированные слои бюрократии, включенные на различных уровнях в процессы руководства и управления страной. Как точно отметил М. Восленский: “Главное в номенклатуре власть. Не собственность, а власть” [Восленский 2005, с. 115]. Именно обладание неограниченной и бесконтрольной властью в стране, где почти вся собственность фактически была огосударствлена, и позволяло номенклатуре полностью ею распоряжаться, стать единственным классом собственников. Точную характеристику этому явлению дал М. Джилас: “Современный коммунизм — это не только партия

определенного типа или возникающий из монополистической собственности и чрезмерного государственного вмешательства в экономику бюрократизм. Современный коммунизм — это прежде всего носитель нового класса собственников и эксплуататоров” [Джилас 1992, с. 218–219].

Таким образом, в институте власти-собственности власть всегда была первичной, а собственность — вторичной, производной от нее категорией. Проистекавшая отсюда иерархия функций политического руководства и управления материальным производством и предопределила структурные особенности номенклатуры. Фактически реальным собственником выступал аппарат Коммунистической партии, который нес верховную политическую ответственность за ее использование и осуществлял контрольные функции, а управленцами — директора предприятий и иные хозяйственные руководители (так называемая “хозяйственная номенклатура”), выполнявшие функции распоряжения и использования имущества [Плискевич 2006, с. 77].

Восстановление института власти-собственности в тех постсоветских странах, где была проведена масштабная приватизация, произошло сразу по ее завершении, в конце 1990-х — начале 2000-х гг. В разных государствах этот институт имел неодинаковые экономико-юридические формы, что особенно важно для нашего анализа, порождая различную конфигурацию властных отношений. Так, на Украине “олигархи” и высшая государственная бюрократия выступали скорее как партнеры. В Армении государственная власть ограничивалась влиянием крупного бизнеса. Уникальная ситуация в 2010-е гг. сложилась в Молдове с ее демократическими институтами: здесь местные олигархи сами стали властью. В России, Казахстане, Киргизстане, напротив, государственная бюрократия заняла командные позиции по отношению к бизнесу. Собственность по преимуществу оказывалась под контролем тех, в чьих руках власть. В странах, где приватизация основных активов не происходила, институт власти-собственности лишь трансформировался применительно к новым рыночным условиям, но остался под полным контролем государственной бюрократии.

Однако с точки зрения продвижения к авторитаризму в странах, где его поначалу не было, эти различия не имели принципиального значения. Само наличие института власти-собственности стало важнейшим социально-экономическим фактором, предопределявшим эволюцию в направлении авторитаризма, первой фазой которого, по существу, являлся режим “доминирующей власти”.

Патронажное государство

Другой краеугольный камень постсоветского политического порядка — патронажное государство. Важнейшими факторами, обуславливающими его устойчивость на постсоветском пространстве, выступают патронажно-клиентелистские отношения во власти, основанные на родственных и земляческих связях, принадлежности к общей профессиональной среде и его легитимность в восприятии основной части населения. Эти отношения — порождение политического господства номенклатуры. Для номенклатурных кланов и групп, соперничающих между собой за доступ к различным ресурсам, такого рода отношения, формирующиеся как бы “поверх” предписываемых законами и другими правовыми нормами “взаимодействий” в рамках существующей политической системы, служат гарантом их власти и влияния. Они строятся по принципу: статус, доступ к взиманию ренты, другие материальные блага в обмен на лояльность вышестоящему чиновнику или группе, готовность выполнить любые его (их) указания, даже если иногда те незаконны.

В отличие от эпохи социализма, когда патронажно-клиентелистские отношения в определенных пределах обязывали номенклатуру нести ответственность за благополучие населения по сугубо идеологическим причинам, в постсоветские времена правящие слои освободили себя от подобного рода обязательств. При этом они нередко апеллировали к квазирыночной идеологии, согласно которой в новых условиях каждый индивид должен якобы сам заботиться о благополучии своем и своей семьи.

В данном контексте целесообразно упомянуть предложенное М. Олсоном сравнение между “стационарным” и “кочевым” бандитом [Олсон 2012, с. 33].

Массы, во многом сохраняющие политико-антропологический тип “советского человека” [Левада 2004], хотя зачастую критически относятся к патримониальному государству, не выступают против него как такового, поскольку убеждены, что именно государство должно обеспечивать их благополучие. Поэтому широкие общественные слои отвергли модель государства, основанного на негативном консенсусе, которая предлагалась населению многих постсоветских государств в 1990-е гг. Ее суть заключалась во взаимном отказе от обязательств — государства перед обществом и общества перед государством. В результате номенклатура, еще в начальный период существования новых независимых государств освободившаяся от социальных обязательств перед обществом, в дальнейшем оказалась вынуждена, тем не менее, поддерживать в нем иллюзии о якобы заботе с ее стороны об улучшении качества жизни населения, разогреть ожидания, что скоро благодаря предпринимаемым ею мерам ситуация изменится к лучшему. Таким образом, патронажно-клиентелистские отношения во власти как способ господства номенклатуры и патерналистски настроенные слои населения, взаимно дополняя друг друга, цементируют неопатримониальное государство, не давая появиться в его недрах силам, которые выступали бы за переход к договорному государству, основанному на взаимных обязательствах государства и общества, где власть ответственна перед ним и подконтрольна ему.

Постсоветский авторитаризм и формы правления

История постсоветских государств показывает, что на их выбор между авторитаризмом и демократией заметное влияние оказывают формы правления, закрепленные в конституциях государств. Наибольшие перспективы для продвижения к демократическому правлению имеют либо страны с парламентской (Молдова), либо со смешанными президентско-парламентскими или парламентско-президентскими формами правления (Грузия, Украина, Киргизстан). Примечательно, что на постсоветском пространстве нет ни одной страны с президентской формой правления, в которой бы намечилось продвижение от авторитаризма к демократии (Азербайджан, Таджикистан, Туркменистан). В Армении, провозгласившей переход к смешанной парламентско-президентской республике, вопрос остается открытым (пока нет практики применения)². Сам же выбор парламентской или смешанной формы правления предопределяется отсутствием вертикальной интеграции элиты или конъюнктурным желанием ее отдельных фракций сохранить власть вопреки нормам конституции (отчасти Грузия, а ныне Армения).

В то же время связь между формами правления и политическими режимами в постсоветских государствах неоднозначна. Так, устойчивые авторитарные режимы могут существовать и при президентско-парламентских республиках, не демонстрируя при этом никакого стремления к демократической эволюции (Белоруссия, Казахстан, Россия, Узбекистан). Попытка же президента Украины В. Януковича при существующей здесь с 2010 г. президентско-парламентской форме правления установить авторитарный режим завершилась крахом, что дало импульс этой стране к движению в сторону электоральной демократии. А опыт парламентской республики Молдова показывает, что в ситуации, когда все ветви власти контролируются одной партией, как было в 2004–2009 гг. при Партии коммунистов (ПКМ), не исключены попытки восстановления авторитарного правления [Цырля, Чобану 2013, с. 603, 614].

Авторитарные режимы на постсоветском пространстве имеют различную форму. Численно преобладают персоналистские (Белоруссия, Казахстан, Узбекистан, Туркменистан) и типологически близкие к ним семейно-клановые (Азербайджан,

²На референдуме в декабре 2015 г. в Армении был одобрен переход к парламентской форме правления. Как это повлияет на эволюцию политического режима, станет понятно в ближайшие годы. Мы используем данные о политической системе этой страны до перехода к иной форме правления.

Таджикистан). Иной “полюс” — корпоративный режим в Армении, где у власти находится часть элиты, объединенная в рамках правящей Республиканской партии. В России режим имеет смешанную персоналистско-корпоративную форму, где в роли корпораций выступают чиновники и бизнес-группы.

При всем разнообразии форм постсоветские авторитаризмы имеют общую черту: часто изменяющиеся институты. Существует соблазн расценить это как свидетельство нестабильности авторитарных режимов. На самом деле, такой взгляд ошибочен. Отсутствие устойчивых институтов объясняется отсутствием спроса на них в первую очередь среди элит, которым проще и надежнее перераспределять собственность, используя для этого патронажно-клиентелистские отношения [Hale 2015]³, и прежде всего, доступ к центру принятия решений, к президенту. В зависимости от смены приоритетов элит, при чередовании их различных групп и фракций у власти институты часто видоизменяются, адаптируются как к новым интересам, так и к новым задачам в том виде, как они понимаются правящими кругами. Они могут менять избирательную систему, способ формирования парламента или избрания президента, учреждать верхние палаты высшего представительного органа там, где их раньше не было, осуществлять другие институциональные изменения. Но все это не несет угрозы стабильности режиму. Наглядное, на наш взгляд, подтверждение данного вывода — поведение авторитарных режимов в критических точках их эволюции, в первую очередь в процессе передачи власти. Важнейшую роль в сохранении стабильности в эти периоды играют не формальные институты, а неформальные закулисные межэлитные договоренности, что подтверждается опытом Туркменистана в 2006 г. и Узбекистана в 2016 г.

Постсоветские “неоавторитаризмы”

Как отмечалось выше, современные авторитаризмы существенно отличаются от традиционных моделей XX в. На постсоветском пространстве авторитарные режимы существуют преимущественно в современных “модификациях”, которые можно определить как неоавторитарные. Такие режимы основываются “на динамичной взаимосвязи принуждения и коррупции, при которой в зависимости от складывающейся внутривластной ситуации и решаемых режимом текущих политических, экономических и социальных задач в роли доминирующего механизма выступает либо принуждение, либо коррупция” [Нисневич 2017, с. 96—97]. Для режимов этого типа характерна большая гибкость по сравнению с традиционными моделями. Они не столь идеологизированы и нередко вообще меняют идеологические ориентиры [Нисневич, Рябов 2016, с. 171].

Режимы этой группы официально заявляют о приверженности демократии, но при этом делают акцент на национальных особенностях своей страны. В рамках такой приверженности декларируется признание Всеобщей декларации прав человека, института разделения власти, регулярно проходят выборы в органы власти на формально альтернативной основе, но их результат, как правило, заранее предопределен. Официальной монополии государства на СМИ не существует, но информационное пространство контролируется и регулируется соответствующими правительственными органами. Неоавторитарные режимы стремятся по возможности сократить применение насилия и избегать его использования в массовых формах, за исключением случаев, когда возникает угроза стабильности страны или утраты ими власти. При этом вместо насилия и репрессий они стараются преимущественно через контролируемые ими каналы государственного телевидения активно использовать массовую пропаганду для идеологической и психологической обработки населения.

³В некоторых современных исследованиях эти отношения рассматриваются в качестве главной особенности постсоветских политических режимов (см. [Hale 2015]).

Из этого ряда несколько выбивается политический режим в Туркменистане, который при первом президенте С. Ниязове (Туркменбаши — 1990—2006 гг.) представлял собой крайнюю форму авторитаризма и в терминологии Х. Линца мог быть охарактеризован как султанский. Однако при следующем президенте Г. Бердымухамедове начался постепенный дрейф в сторону неоавторитаризма, в том числе была разрешена многопартийность. Эта эволюция продолжается и в настоящее время, хотя государство отчасти и сохраняет мелочную регламентацию в некоторых областях общественной и частной жизни граждан и находящихся в стране иностранцев, которая касается их быта и поведения.

Ограничения на пути авторитарного правления

Отмечая довольно прочное положение авторитарных режимов на постсоветском пространстве, следует одновременно указать и на определенные ограничения их развития и распространения на территории региона. Первая группа ограничителей связана с факторами, так или иначе сдерживающими влияние главного носителя авторитарных тенденций — номенклатуры, служащими противовесом этому влиянию. Один из них уже упоминался выше, это определенный уровень развития гражданского общества, его структур — НПО, инициатив, общественных объединений, созданных вокруг конкретных проблем и целей. Там, где этот фактор и поныне остается значимым, авторитаризм либо сталкивается с серьезным сопротивлением (Армения), либо вообще вынужден отступать, открывая возможности для иных альтернатив развития (Грузия, Киргизстан, Молдова, Украина).

Другой фактор этой группы — дискредитация самой идеи номенклатурного правления. В начале трансформационного перехода эта идея подверглась серьезной дискредитации во многих бывших союзных республиках — Азербайджане, Армении, Грузии, Киргизстане, Молдове, России. Однако лишь в Грузии она стала мощным и долгосрочным фактором обновления политической элиты страны. События, произошедшие после “революции роз” 2003 г., привели к смене поколений в национальной политике: место представителей прежней партийно-хозяйственной номенклатуры в ней заняли фигуры и группы, не имевшие никакого управленческого опыта советского времени. Они были выходцами из новых политических партий и движений, НПО, являлись топ-менеджерами частных компаний. Но и в Грузии, даже после таких серьезных сдвигов внутри политической элиты, в государственном аппарате сохранилось значительное представительство номенклатуры. Лишь в 2011 г. парламент страны единогласно принял “Хартию свободы”, которая содержит нормы, устанавливающие проведение политической люстрации в отношении бывших должностных лиц из КПСС и сотрудников спецслужб СССР [Парламент Грузии ... 2013].

В меньшей степени деноменклатуризация политики была характерна для Молдовы. Но и в этой стране она при всей своей незавершенности помогла существенно продвинуть политический процесс в сторону демократизации.

Второй группой ограничителей на пути развития авторитаризма выступают факторы, связанные с особенностями структуры нового правящего класса. Географическая, региональная разнородность некоторых стран, конфликты интересов между региональными элитами препятствуют каким-либо номенклатурным кланам подчинить себе все остальные и выстроить на этой основе вертикаль власти под себя. Яркий пример — Украина, где долгое время за лидерство боролись два сильнейших региональных клана — днепропетровский и донецко-луганский, а Киев выполнял роль площадки для этой борьбы, а также Киргизстан с его борьбой субэтнических групп северных и южных киргизов. При такой конфигурации правящего класса, предполагающей устойчивое равновесие между ведущими политическими кланами, он вынужден выводить свои противоречия в сферу публичной политики и придавать такому институту, как национальный парламент, большую роль в политике для согласования своих интересов. И роль конкурентных выборов, борьба различных идейно-политических

платформ в такой среде существенно возрастает, поскольку в ситуации примерного равенства сил между ведущими группами элиты они нуждаются в привлечении дополнительных факторов поддержки, включая голоса избирателей.

Для сравнения с Украиной следует упомянуть Таджикистан, где также наблюдается большая региональная разнородность. Но это государство, тем не менее, стало страной с авторитарным правлением, потому что там кулябский клан в результате гражданской войны 1992–1993 гг. подчинил все остальные – как противников курган-тюбинцев и гармцев, так и бывших союзников худжандцев (“ленинабадцев”). Создание “олигополий”, возглавляемых крупнейшими бизнесменами, которые не только контролируют целые сегменты национальной экономики, но и оказывают мощное влияние на политику через свои клиентелы в парламенте, правительстве, госаппарате, через принадлежащие им СМИ, позволяют им сохранять известную автономию от государственной власти. Подобная система характерна для Украины. Существовала она и в России в период с 1995 по 2000 г.

Третья группа ограничителей авторитаризма представлена таким фактором, как не оформившиеся еще в некоторых странах общенациональные идентичности, существование в них нескольких конкурирующих идентичностей, которые имеют не только различное отношение к прошлому своих государств, но и разное видение их будущего, особенно касательно места этих стран в мире. Такая картина характерна в первую очередь для Молдовы, в меньшей степени для Украины. Наличие конкурирующих идентичностей создает пространство для открытой политической конкуренции, требует поисков общенационального компромисса. Решению этих задач в большей степени подходят демократические институты, чем авторитарное правление.

Каковы же перспективы?

Во всех постсоветских государствах, как с авторитарными режимами, так и с теми, что создали у себя электоральную демократию, главная проблема – дефицит внутренних источников развития, социальных и политических сил, заинтересованных в модернизации. Поэтому политические системы этих стран тяготеют к сохранению *status quo*. Возможно, предварительным условием социального прогресса может служить не столько внедрение (и укрепление там, где они есть) традиционных демократических процедур, таких как проведение конкурентных выборов, плюрализм СМИ, расширение пространства для гражданской активности, сколько реформа постсоветского государства. А это предполагает прежде всего демонтаж его стержня – института власти-собственности и замену прежнего “патронажного” (неопатримониального) государства договорным, основанным на взаимной ответственности государства, власти и общества.

Продолжение же демократического развития там, где оно уже началось и принесло определенные результаты, при успешном взаимодействии с развитыми демократическими странами также может создать институциональные условия для постепенного вызревания субъектов модернизации и формирования массового спроса на ее осуществление. Для стран с “бесплодным плюрализмом” и электоральной демократией перспективы успешного демократического строительства неразрывно связаны с решением нескольких важнейших задач. Во-первых, это преодоление коррупции, носителями которой являются номенклатура и олигополии (олигархии). Во-вторых, это создание общенационального консенсуса вокруг целей развития. В-третьих, это складывание новых, постсоветских национальных идентичностей.

Для других же государств региона возможен иной вариант. В случае ослабления экономической поддержки со стороны России и переориентации на Запад в целях получения экономической помощи там платой за это может стать политическая необходимость демократизации и проведения реформ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Восленский М. (2005) Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М.: Захаров.
- Джилас М. (1992) Новый класс // Лицо тоталитаризма. М.: Новости. С. 159–360.
- Карозерс Т. (2003) Конец парадигмы транзита // Политическая наука. № 2. С. 42–65.
- Крыштановская О. (2005) Анатомия российской элиты. М.: Захаров.
- Левада Ю.А. (2004) “Человек советский” (<http://www.polit.ru/article/2004/04/15/levada>).
- Ленин В. Грозящая катастрофа и как с ней бороться // Полн. собр. соч. М.: Политиздат. Т. 34. С. 155–199.
- Нисневич Ю.А. (2007) Аудит политической системы посткоммунистической России. М.: Материк.
- Нисневич Ю.А. (2017) Современный авторитаризм и коррупция // Мировая экономика и международные отношения. № 1. С. 94–106.
- Нисневич Ю.А., Рябов А.В. (2016) Современный авторитаризм и политическая идеология // ПОЛИС. № 4. С. 162–181.
- Нуреев Р.М., Латов Ю.В. (2016) Экономическая история России (опыт институционального анализа): учебное пособие. М.: КНОРУС.
- Олсон М. (2012) Власть и процветание. Перерастая коммунистические и капиталистические диктатуры. М.: Новое издательство.
- Парламент Грузии единогласно принял “Хартию свободы” (2013) (<http://www.newsgeorgia.ru/politics/20110531/213967718.html>).
- Плискевич Н.М. (2006) “Власть-собственность” в современной России: происхождение и перспективы мутации // Мир России. № 3. С. 62–113.
- Рябов А.В. (2010) Демократизация и модернизация в контексте трансформаций постсоветских стран // Демократизация и модернизация: к дискуссии о вызовах XXI века. М.: Европа. С. 183–200.
- Троцкий Л. (1991) Преданная революция. М.: НИИ Культуры.
- Цырля Б., Чобану В. (2013) Олигархическая Молдова. Кишиноу: Национальный институт развития.
- Шкель С.Н. (2013) Новая волна: многообразие авторитаризма в отражении современной политической науки // PolitBook. № 4. С. 120–139.
- Hale Henry H. (2015) Patronal Politics: Eurasian Regime Dynamics in Comparative Prospective. New York: Cambridge Univ. press.
- Hellman J. (1998) Winners Take All. The Politics of Partial Reforms in Postcommunist Transition // World Politics. Vol. 50. No. 2. Pp. 203–234.
- Nations in Transit (2016) (www.freedomhouse.org).
- Shevtsova L. (2001) Russia's Hybrid Regime // Journal of Democracy. Vol. 12. No. 4. Pp. 65–70.

Post-Soviet Authoritarianism

*Yu. NISNEVICH**,
*A. RYABOV***

***Nisnevich Yuliy** — doctor of political sciences, professor, Department of Political Science, National Research University Higher School of Economics. Address: 20, Myasnitckaya st., Moscow, 101000, Russian Federation. E-mail: jnisnevich@hse.ru

****Ryabov Andrey** — doctor of historical sciences, lead researcher at Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (IMEMO RAS). Address: 23, Profsoyuznaya st., Moscow 117997, Russian Federation. E-mail: andreyr@imemo.ru

Abstract

The problems of rise and establishment of authoritarian regimes in the post-soviet states are considered in the article. The authors analyze the reasons of failure of democratic transition in the new independent countries. Among these reasons they point out the lack of strong traditions of civil society,

the fact that in the Soviet Union “revolution of values” did not precede anti-communist revolution in 1991. The important reason for a suspension of democratic changes is that the new ruling classes which monopolized power and ownership in the post-soviet states and are not interested in further market and democratic reforms. In their analyses of the reasons of stability of authoritarian regimes the authors give the main attention to the impact of such factors as the institute of power-ownership, nomenclatura as a ruling class and patronal state. At the same time factors that restrict opportunities for authoritarian developments in post-soviet state considered in the article are: competing political identities in society; balance of forces between regional elites; de-nomenclaturization of political elite. It is noted that the main obstacle on the way of democratic transformation is the lack of political and social actors in the post-soviet states interested in such changes.

Keywords: two-sided (multi-sided) markets, indirect network externalities, platforms, transaction costs, digital economy, standardization.

REFERENCES

- Djilas M. (1992) *Novy klass* [The new class]. *Litso totalitarizma* [The Face of Totalitarianism]. Moscow: Novosti.
- Hale Henry H. (2015) *Patronal Politics: Eurasian regime Dynamics in Comparative Prospective*. New York: Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Hellman J. (1998) Winners Take All. The Politics of Partial Reforms in Postcommunist Transition. *World Politics*, vol. 50, no. 2, pp. 203–234.
- Karozers T. (2003) Konets paradigmy tranzita [The End of the Transition Paradigm]. *Politicheskaya nauka*, no. 2, pp. 42–65.
- Kryshchanovskaya O. (2005) *Anatomiia Rossiiskoi Elity* [Anatomy of the Russian Elite]. M.: Zakharov.
- Lenin V. Grozyashchaya katastrofa i kak s nei borot'sya [Threatening Catastrophe and How Fight against it]. *Complete Works*. Moscow: Politizdat, vol. 34, pp. 155–199.
- Levada Yu. (2004) “Chelovek sovetskii” [“The Soviet Man”] (<http://www.polit.ru/article/2004/04/15/levada>).
- Nations in Transit (2016) (www.freedomhouse.org).
- Nisnevich Yu. (2007) *Audit politicheskoi sistemy postkommunisticheskoi Rossii* [Audit of Political System of the Postcommunist Russia]. Moscow: Materik.
- Nisnevich Yu., Ryabov A. (2016) Sovremennyy avtoritarizm i politicheskaya ideologiya [Modern Authoritarianism and Political Ideology]. *Polis*, no. 4, pp. 162–181.
- Nisnevich Yu. (2017) Sovremennyy avtoritarizm i korruptsiya [Modern Authoritarianism and Corruption]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia*, no. 1, pp. 94–106.
- Nureev R., Latov Yu. (2016). *Ekonomicheskaya istoriia Rossii (opyt institutsional'nogo analiza): uchebnoe posobie* [Economic History of Russia (experience of institutional analysis): training aide]. Moscow: KNORUS.
- Olson M. (2012) *Vlast' i protsvetanie. Pererastaya kommunisticheskie i kapitalisticheskie diktatury* [Power and Prosperity Outgrowing Communist and Capitalist Dictatorships]. Moscow: Novoe Izdatel'stvo.
- Parlament Gruzii edinoglasno prinyal Hartiyu svobody [Georgian Parliament unanimously adopted a “Charter of Freedom”] (2013) (<http://www.newsgeorgia.ru/politics/20110531/213967718.html>).
- Pliskevich N. (2006). “Vlast-sobstvennost” v sovremennoi Rossii: proiskhozhdenie i perspektivy mutatsii [Power-Ownership in Modern Russia: Origin and Prospects of Mutations]. *Mir Rossii*, no. 3, pp. 62–113.
- Ryabov A. (2010) Demokratizatsiya i modernizatsiya v kontekste transformatsii postsovetских стран [Democratization and Modernization in the Context of the Transformation of Post-Soviet States]. *Demokratizatsiya i Modernizatsiya: k diskussii o vyzovakh XXI veka* [Democracy versus Modernization. A Dilemma for Russia and for the World]. Moscow: Evropa.
- Shevtsova L. (2001) Russia's Hybrid Regime. *Journal of Democracy*, vol. 12, no. 4, pp. 65–70.
- Trotskiy L. (1991) *Predannaya revolyutsiya* [Betrayed Revolution]. Moscow: NII Kultury.
- Tsyrla B., Chobanu V. (2013) *Oligarkhicheskaya Moldova* [The Oligarchical Moldova]. Kishineu: Natsionalny institute razvitiya.
- Voslenskiy M. (2005) *Nomenklatura. Gospodstvuyschiy klass Sovetskogo Soyuza* [The Nomenclatura. Ruling Class of the Soviet Union]. Moscow: Zakharov.